

Орб3.31
Е92
БА-372216

Татьяна Ефремова

«Уходцы»

в документах,
воспоминаниях
и рассуждениях

**Досадная страничка из истории
Уральского казачьего войска
и Государства Российского**

Татьяна Ефремова

Op 63.31
E92

Op 63.31-28

63.3(2Рос-40рс)-223.31

«УХОДЦЫ»

**в документах, воспоминаниях
и рассуждениях**

Досадная страничка из истории
Уральского казачьего войска
и государства Российского

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Москва, 2018

Ба - 372216

КР

✓

Умом Россию не понять...

Фёдор Тютчев

Хотели как лучше, а получилось как всегда.

Советская притча

Всё это было бы смешно,

Когда бы не было так грустно.

Михаил Лермонтов

ОТ АВТОРА

Будущий историк (...) легко исправит и дополнит мой труд — конечно несовершенный, но добросовестный.

А. С. Пушкин.

Предисловие к «Истории Пугачёва»

Идея этой книги родилась в результате совсем другой идеи.

Когда-то довольно давно я задалась идеей составления семейного древа. Желание банальное — чуть ли не каждый второй в какой-то момент хочет знать имена бабушек-прабабушек. Желание это приходит и зачастую скоро уходит, и древо обрывается на этих самых бабушках-прабабушках. Мало у кого сразу находится терпение методично копаться в архивах и в Интернете, расследуя загадки семейного прошлого. Я отношусь к тем, у кого терпения не было, да и Интернета ещё как такового не было, и долгое время моё семейное древо было коротеньким, но развесистым и было усыпано обрубками ветвей, судьбы которых были мне неизвестны.

Время от времени я возвращалась к этому проекту. В силу моей географической удалённости я не имела возможности расспрашивать родню, поэтому я начала изучать историческое окружение моих предков, благо что оно было красочным и экзотическим. Я происхожу из среды уральцев, своеобразной этнической группы, исторически сложившейся в Средней Азии. Уральцы резко отличались и от коренного населения, и от русского, и от всех других этнических групп. Они выделялись на общем фоне и своим видом, и манерой поведения, и образом жизни, и своей религией. Их нельзя было не заметить.

Долгое время я читала всё, что могла найти в Интернете по Уральскому казачьему войску (УКВ) и по старообрядчеству. Литературы было не так-то много, но и те крохи, которые можно было найти, возбудили во мне смешанные эмоции: интерес, беспокойство и подозрение, что есть что-то не то в общепринятой версии исторических событий. Ну не укладывается эта общепринятая версия в рамки здравого смысла! То, что приписывали казакам-староверам, не совпадало с тем, что я в них наблюдала сама, или с тем, что они мне рассказывали. Моё беспокойство по по-

воду различий между историей писаной и историей устной только росло...

Я обратилась к архивным документам. После нескольких лет чтения переписки между разнообразными администрациями моё беспокойство не уменьшилось, наоборот, оно усилилось и приобрело чёткие формы. Все документы Военного министерства, Главного управления иррегулярных войск, Уральского казачьего войска, полицейских отделений, туркестанского генерал-губернатора, Оренбургского военного округа, Казалинской крепости и многих других не содержали ни одного вразумительного объяснения событий 1874 и 1875 годов в УКВ.

Среди архивных дел можно найти сведения о чём угодно! Дело о содержании осуждённых «в замке» может включать переписку начальства о количестве личных вещей, положенных арестантам, месячные сметы на муку и крупы в расчёте на человека, министерские циркуляры о правилах содержания арестантов, врачебные освидетельствования состояния здоровья больных, и прошения арестантов вышестоящим инстанциям по самым разным вопросам, и расписания движения этапов, и рапорты работников тюрьмы о происшествиях...

Бездушное и детальное канцелярское бумагомарание с одинаковой педантичностью запрашивало у казны недоимку в полторы тысячи рублей на довольствие арестантов и требовало возвратить 2 рубля 80 копеек князю Волконскому, истратившему эти деньги во время командировки в Тургайскую область на казённые нужды из собственного кармана. И в том и в другом случае почти идентичные запросы посылались из одной канцелярии в другую, из одного города в другой. Иногда переписка тянулась месяцами (и даже годами), не отдавая предпочтения никому: комендант голодных арестантов и секретарь князя Волконского проходили одни и те же круги канцелярского ада. Помимо рутинных внутренних до-

кументов, есть в архивах и рапорты чиновников вышестоящему начальству всех уровней.

Кажется, нет такого аспекта, который не был бы освещён в многочисленных документах. Где как не в архиве можно найти ответы на все вопросы и объяснения всех исторических загадок! У меня всё было наоборот. Чем больше бесстрастных отчётов я читала, тем больше во мне росло недоумение: где же бунт, за который моих предков сослали в Казалинск? Я не находила документальных подтверждений преступления, в котором так единодушно обвиняли моих предков все историки! И чем дольше я не находила свидетельств казачьего «неподчинения», тем больше мне хотелось знать: за что же их сослали?

Теперь-то я знаю: администраторы всех мастей и уровней оболгали моих предков, а также и несколько тысяч казаков Уральского казачьего войска, а историки, опираясь на рапорты чиновников, возвели это в ранг официальной истории, размноженной в разнообразных (но немногочисленных) исследованиях печальных событий 1874 года...

И лишь много позднее, на последней стадии работы над книгой, я нашла подтверждение своим подозрениям у другого исследователя УКВ. Николай Андреевич Бородин сто лет назад писал, что «местное начальство (...) в сущности, и созда-

ло так называемый бунт казаков», но голос гениального уральского учёного, эмигрировавшего в Соединённые Штаты Америки, не был услышан, и вплоть до наших дней то, что произошло в УКВ в 1874 году, считается «раскольничьим бунтом».

В процессе написания этой книги, когда материал был скомпонован и мой черновик перевалил за 300 страниц, я нашла вещественные доказательства моей теории: единственное (и совершенно случайно сохранившееся) документальное свидетельство событий того времени, написанное самими ссыльными казаками, содержавшее подтверждение тому, что бунт был сфабрикован (воспоминания Ферапонта Толстова), и парочку фиктивных рапортов, написанных в УКВ в 1875 году...

В сочетании с тысячами страниц архивных материалов, сохранивших многочисленные детали расследуемых событий, фиктивные рапорты являются серьёзной уликой...

Эта книга — не только историческое исследование.

Это попытка посмотреть на историю не глазами историка и бюрократа, а глазами человека, потомка, плоти от плоти, крови от крови...

И уж совсем банально (извините за клише!) — это попытка понять наше прошлое с целью объяснить наше настоящее...

ПРЕДЫСТОРИЯ БУНТА

...История края распадается на две части: на историю народа и историю правительственных учреждений. Связь между ними только внешняя. Правительство преследует свои цели, народ продолжает жить своей жизнью.

А. Рябинин

Некотрые даты и официальные моменты так хорошо задокументированы!

Предыстория «сопротивления» новому военному положению (НВП) 1874 года довольно хорошо описана, и из всей существующей литературы видно, что, к сожалению, конфликт между Уральским казачьим войском и новой военно-административной реальностью был неизбежен.

Причиной конфликта часто называется неразумное сопротивление консервативных и невежественных «раскольников» прогрессивной военной реформе. Некоторые историки, как В. Н. Витевский например, пытаются связать бунт и старообрядчество в довольно деликатной форме: «Волнение уральских казаков в 1874–1875 гг., как и волнения прежних годов, не чуждо влияния раскольников» (стр. 188). И, судя по некоторым работам, сам тот факт, что в войске было много старообрядцев, объясняет всё: «Старообрядцы к нововведениям относились всегда настороженно», — считал С. Калентьев. А бывает, что припечатывают этих самых «раскольников» как самый вредный элемент, «скудоумных» ретроградов (из рапорта подполковника Мартынова начальнику ГУ ИВ А. П. Богуславскому). Иногда на события 1874 года смотрят как на ошибку: «Войско было напугано прежними новыми положениями (в 1803, 1868 гг.) и, не разобравшись, настроилось против» (Судаков, стр. 5). Есть, конечно, истори-

ки, которые постарались более детально рассмотреть это дело, и особенно насущность военных реформ и особенности Уральского казачьего войска, обусловившие специфику введения НВП в УКВ и возникшие в связи с этим трудности, объективные и субъективные, как это сделали С. В. Колычев в своей диссертации и авторы сборника «Столетие Военного министерства. 1802–1902. Воинская повинность казачьих войск» под редакцией Никольского. Причём, описывая «сопротивление», исследователи (включая чиновников, рапортовавших о «бунте») неизменно отмечают мирный характер участников событий, или, как определил Н. А. Крыжановский, «пассивное сопротивление», которое «не обнаруживаясь явными актами сопротивления (...) трудно определяется» (письмо военному министру Д. А. Милютину от 4 апреля 1875 года). Но были ли в многочисленном ряду работ попытки рассмотреть ситуацию с точки зрения главных участников событий — самих казаков-староверов? Рассмотреть не с целью осудить и сделать нравоучительные выводы о вреде и консерватизме «раскола», а с целью понять движущую силу, приведшую в движение УКВ и весь государственный механизм?

Может быть, и были такие работы, да мне не встретились?

Ещё одно обстоятельство, влияющее на мнение историка, — это то, какими источниками ин-

формации он пользуется и с чьей точки зрения эти источники смотрят на события. Чаще всего источником сведений служат московские и петербургские архивы, куда присылались местные рапорты. Нетрудно догадаться, что рапорты эти были тщательно отредактированы на местах и содержали те сведения, которые соответствовали ожиданиям столичного начальства и не вредили местному начальству. Кто же не знает, как писались и пишутся рапорты? И кто же не знает, что читать такого рода документы нужно по принципу «доверяй, но проверяй»?

Также все исследователи пользуются сведениями из «Уральских войсковых ведомостей» («УВВ»), которые отражают взгляд войсковой администрации и наказного атамана, ставленника императора. Так как в описываемые события были вовлечены тысячи староверов, в исследованиях историков по данному вопросу часто используются работы по истории религии, которые, в свою очередь, чаще всего выражают мнение Русской православной церкви о «расколе» и «раскольниках», мнение далеко не чуждое предвзятости и далеко не всегда хорошо информированное. Голоса самих участников событий слышны редко, чаще всего в случайных прошениях, подшитых в том или ином архивном деле. Не могу сказать, что никто из писавших на эту тему не сочувствовал осуждённому казаку, но вот насколько историки задумывались над причинами событий, в которые оказались вовлечены казаки?

Практически все исследователи связывают события 1874 года с введением военных реформ, не только в УКВ, но и во всех родах войск, однако мне не встретились работы, связывающие воедино фундаментальную перестройку всей империи, которые привели и к военным реформам, и к отмене крепостного строя, и к оккупации Туркестана, и к изменениям в тактике борьбы со старообрядчеством. По воле судьбы уральские казаки оказались вовлечены в крупномасштабные государственные реформы в самом неожиданном качестве.

Отведённую им роль казакам не объяснили, и они сопротивлялись как могли. Их сопротивление историки посвящают куда больше внимания, чем причинам, которые привели к конфликту, но и сопротивление казаков, а точнее, их методы, тоже никогда не были объяснены. Примеры «странного» поведения упорствующих казаков так и остались «странными»: в лучшем случае о них пишут нейтрально, просто информируя читателя о нелепом факте, зачастую в описание вкрадыва-

ются удивлённые нотки, из которых возникает ощущение, что староверы были эксцентриками, людьми «с прибабахом», а бывает, что казаков открыто осуждают и обсуждают как недалёких религиозных фанатиков. Нет спору, среди староверов, как и среди всех других религий и конфессий, есть люди и фанатичные, и эксцентричные, но нет в мире религии или конфессии, где бы все верующие были и фанатиками, и эксцентриками. Когда речь заходит о поведении большой группы людей, за аксиому нужно принять, что большинство из них были физически и интеллектуально нормальными людьми и их поведение вызвано объективными причинами. Проблема в том, что староверы широкому кругу людей своё поведение не объясняли, а потому для широкого круга они так и остались странными, непонятными, упрямыми...

А между тем всё было логично...

Прежде всего необходимо понять, зачем была нужна реформа. Без осознания важности этого начинания нельзя будет понять упорство государства в некоторых вопросах. УКВ, да и вообще казачьи войска в целом, славились своей военной подготовкой, и в течение нескольких столетий российские цари опирались на исключительные боевые качества казачьих войск. Популярная литература и интернет-сайты, посвящённые казачеству, пестрят расхожими похвальными высказываниями великих полководцев, начиная с Наполеона, в адрес казаков (см. приложение к этой главе).

Способность казачьей кавалерии перегруппировываться на поле боя была непревзойдённой, и казачья лава обеспечила победу во многих сражениях. Этот вид кавалерийской атаки сформировался в необозримых степях Украины и Азии, там стычки казаков с конными войсками азиатских кочевников происходили на открытых местностях, где нельзя было особо рассчитывать на помощь в виде топографических особенностей или секретных видов оружия вроде подкопов, таранов, метательных орудий и т.д. Единственный сюрприз, или секретное оружие, которое можно было проявить во время боевых действий в степи, — чья кавалерия окажется умнее и быстрее... Столетия конфронтации казаков со степными кочевниками сформировали молниеносный стиль атаки, не знакомый европейским конницам.

При всех пертурбациях в российской армии казачество всегда сохраняло свою структуру и особенности традиционной военной подготовки. Каким бы кардинальным изменениям

ни подвергалась русская армия в целом, они во многом обходили казачьи войска стороной; реформы случались, конечно, и нередко, но по большому счёту казачество (особенно исконное казачество, Донское и Уральское) сохраняло свою самобытность.

В регулярной армии вводились новые методы муштры, новая форма, новые принципы администрации, новые виды оружия, даже новые рода войск, тогда как казаки встречали все новшества в штыки и новым веяниям поддавались очень медленно. Правительство же, в свою очередь, старалось не раздражать казаков, если возможно, и шло на уступки. Таким образом, между казачеством и Русским государством сформировался хрупкий баланс: чья возьмёт? Государство проявляло терпение, потому что казачьи войска обладали исключительными боевыми качествами и потому что казаки несли бремя охраны обширных пограничных районов, за что им многое прощалось. Тот факт, что при несении всего бремени важной пограничной службы казачьи войска были также финансово самостоятельными, лишь укреплял позиции казачьих войск. Это была уникальная армия, не имевшая аналогов в мире: она сама себя содержала. Благодаря этому российские цари обладали самой дешёвой кавалерией в мире — род войск, который изначально является очень дорогим. Балансирование между государством и казаками длилось почти 200 лет, со времён военных реформ, начатых Петром I. Однако конфликт между верховным командованием и казачеством продолжал медленно и верно назревать и время от времени прорывался наружу.

Одним из основных требований для успешных боевых действий является хорошая координация между всеми боевыми подразделениями. Пётр I ввёл новый орган администрации — Военную коллегию, которая осуществляла тотальный контроль всех военных вопросов. Единственные, кого она не могла контролировать вполне, были казачьи войска.

Все казачьи войска в допетровские времена сохранили круг, а с ним — демократическое управление в войске. Многочисленные хозяйственные, юридические и военные вопросы решались голосованием, а не приказом сверху. Руководство всех уровней регулярно перевыбиралось, так что практически каждый казак в войске мог заслужить честь быть избранным в станичные атаманы. Оттого что управление казачьим войском было коллективным и решения круга касались каждого и отражались на положении каждого казака

в войске, практически каждый казак принимал заинтересованное участие в обсуждении войсковых нужд и планов и, надо полагать, всегда был в курсе всех изменений в войске. А это значит, что каждый казак (или почти каждый!) был так хорошо осведомлен об общинных делах, что в любой момент мог вступить в хозяйственную или административную должность. Казаки старались не выбирать одного и того же человека дважды, так что руководящий состав на всех уровнях был текучим, что не соответствовало требованиям Военной коллегии. Несмотря на это противоречие с государственной властью, казаки сохранили выборность войсковой администрации вплоть до середины XIX века. Е. Кларк, проехавший по землям войска Донского в 1811 году, описал это в своих дневниках, а заодно выразил нескрываемое изумление по поводу казачьего либерализма на общем российском фоне (см. приложение к этой главе), а также по поводу их достатка, благоустройства, предприимчивости и многих других отличий казачьей общины от русского общества.

Первой попыткой подчинить казачьи войска и втиснуть их в административную иерархию была отмена выборных войсковых атаманов. По указу Петра I от 1719 года казачьи войска стали возглавлять наказные атаманы, назначенные лично императором. Этот ставленник государственной власти проводил царскую политику в войске и должен был обеспечить контроль над выборными атаманами на местах.

Со временем, усилиями верховного руководства и наказных атаманов, демократизм в казачьих войсках всё более ограничивался и более строгая и изощрённая административная координация и отчётность вводились в войска. Большой частью этот процесс был медленным и очень болезненным для обеих сторон: медленным, потому что казаки упорно сопротивлялись нововведениям, отстаивая свои права на демократию, а государство продолжало гнуть в свою сторону; и был этот процесс болезненным, потому что ни одна из сторон не сдавалась. Однако процесс этот был более-менее мирным, если принять во внимание то, что массовые вспышки недовольства (бунты) среди казаков случались раз в 30–50 лет. Такие вспышки подавлялись то войсками, то обещаниями льгот казакам, то подкупам атаманов. Бывало, заканчивалось всё и массовыми репрессиями и кровопролитием. Когда же казачье войско нельзя было ни запугать, ни подкупить и ситуация выходила окончательно из-под государственного контроля, то оставались в запасе

самые радикальные меры. Так, после большого выступления в 1775 году (напомню, что по времени это совпало с концом крестьянской войны под предводительством Пугачёва) Запорожское войско было расформировано, чтобы восстание не вылилось во вторую Пугачёвскую войну. Вполне возможно, что во время новых конфликтов между государством и казачьими войсками память о судьбе запорожцев служила примером и играла умирительную роль.

Уральское (тогда ещё Яицкое) казачье войско также проявляло недовольство, и там тоже происходили регулярные конфликты на почве военных и административных новшеств. Пугачёвское восстание было, пожалуй, самым большим из всех антиправительственных движений до революции 1917 года, в которое были вовлечены казаки, и большей частью именно яицкие казаки, в связи с тем, что события начались и развернулись в районе Яика.

Хрупкое равновесие в отношениях между уральским казачеством и Российским государством продолжалось ещё 100 лет, вплоть до 1870-х годов, когда государство твёрдо показало, кто является хозяином. Почему же именно в это время?

Причина решительного изменения отношений между государством и казаками имела несколько составных элементов: международный, технический, социальный и внутриполитический.

Вторая половина XIX века внесла кардинальные изменения в военные технологии и, соответственно, в стиль ведения войны. В 1860-е годы, во время Гражданской войны в США, впервые были применены прототипы современных пулемётов. Эффективность этого вида оружия была быстро оценена, и к началу 1870-х европейские армии уже имели пулемёты на вооружении. Усовершенствовалась артиллерия. Военные департаменты оценили преимущества железных дорог, и повсеместно начали строить пути железнодорожного сообщения, закупались паровозы, и военный персонал обучался железнодорожному делу. Другие технические нововведения были ещё на стадии разработки (например, до выведения танков на поля боевых действий нужно было ждать ещё почти 40 лет), но государства понимали, что это лишь вопрос времени, когда усложнённая техника заменит традиционные виды оружия. Для работы с таким оборудованием нужен был хорошо обученный персонал, поэтому система обучения новобранцев должна была претерпеть изменения. Вторая между-

народная тенденция того времени была в увеличении численности армий.

Увеличение размеров боевых операций, а также новые требования к технической подготовке военного персонала привели к тому, что европейские государства одно за другим стали готовиться к введению всеобщей мобилизации, которая даёт возможность обучить военному делу практически всё мужское население, а это, в свою очередь, даёт возможность в случае необходимости собрать большую и обученную армию довольно быстро, при минимальных затратах на содержание армии в мирное время. Ориентиром в этой тенденции служила Германия, которая ввела подобную систему воинской повинности и блеснула своими военными достижениями во Франко-Прусской кампании 1870 года. Военный аналитик того времени Р.А. Фадеев, сравнивая военный потенциал нескольких стран — Германии, Австрии и России, — проиллюстрировал срочную необходимость реформ: Германия при населении в 40 миллионов человек и военном бюджете в 360 миллионов франков имела, помимо остальных родов войск, 729 тысяч пехоты; Австрия при населении в 35 миллионов человек и военном бюджете в 252 миллиона франков — 580 тысяч пехоты; Россия же с населением в 82 миллиона человек и военным бюджетом в 527 миллионов франков имела 520 тысяч человек пехоты (стр. 44). Чтобы сохранять военную мощь на международной арене, Россия должна была изменить техническую подготовку воинского состава и перейти от 25-летней воинской службы для небольшой группы профессиональных военных в рядовом составе к всеобщей трёхлетней военной подготовке, чтобы в случае необходимости (войны) иметь возможность мобилизовать в короткий срок уже обученную армию.

Для военной реформы были и вполне местные, специфические русские причины. Крымская

Cossacks of l'Oural à l'afait.
Ural cossacks upon the watch.
Уральские казаки. На сторожке.

Дореволюционная открытка

война в середине XIX века продемонстрировала недостатки и российской армии, и общества в целом и запустила в ход цепную реакцию внутренних реформ, и в первую очередь фундаментальную реформу по отмене крепостного права.

Реформа была задумана с целью обеспечить определённые нужды государства, например, в свободной рабочей силе, но не очень-то позаботилась о нуждах крестьянства и экономики в целом, оставив средства производства, в первую очередь землю, в руках помещиков и мгновенно создав предпосылки для развития пролетариата и для массовой миграции населения в поисках вакантных земель.

В связи с отменой крепостного права в 1861 году юридический статус крестьянства изменился. Одной из вновь обретенных свобод была свобода передвижения по стране (относительная, конечно) и свобода поменять род деятельности. Финансово крестьяне в большинстве своём не выиграли, а проиграли. Крестьянство составляло подавляющее большинство населения Российской империи, а иметь обманутое большинство чревато негативными последствиями.

Социальная нестабильность этой эпохи вылилась в многочисленные бунты (не только в России, но и в Польше, где не было крепостного права), с которыми нельзя было справиться только силами полиции, и Российская империя должна была содержать огромную армию даже в мирное время, чтобы подавлять очаги восстаний.

Вторая половина XIX века также является эпохой военных действий в Средней Азии, на гигантской территории, для обеспечения безопасности которой тоже нужна была многочисленная армия. Учитывая низкий уровень технического обеспечения и железнодорожных сообщений, а также и отсталость административного аппарата, управление гигантской и громоздкой русской армией было исключительно трудно и неэффективно, поэтому Россия срочно нуждалась в военно-административной реформе. Ну и, конечно, была срочная нужда в развитии своей собственной современной военной индустрии. Всё вместе это требовало колоссальной перестройки не только армии, но и всего государства.

Колоссальная реформаторская деятельность того времени не является темой этой книги. Сосредоточимся лишь на одном аспекте военных реформ — всеобщей мобилизации, потому что именно она послужила точкой отсчёта для событий в УКВ в 1874 году. Такого рода реформы не производятся в одночасье; Россия отвела на это 17

лет (Фадеев, стр. 67). Все структуры должны были перестроиться поэтапно.

В России уже была группа людей, которая была поголовно военной (в теории) и хорошо знакомой с принципами всеобщей мобилизации (тоже в теории). Это было казачество. Однако теория и реальное положение вещей не всегда совпадают. Среди казачества, в частности в УКВ, был процент мужчин, никогда не служивших, несмотря на то что они были вполне способны к военной службе. У каждого из казачьих войск были свои особенности, юридические и хозяйственные, поэтому правительство подошло к введению реформ в каждом войске отдельно. Для каждого войска было написано индивидуальное новое военное положение (НВП).

Нужно добавить, что реформы казачьих войск происходили на фоне бурных дебатов о нужности/ненужности казачьих войск в целом, возможности/невозможности экономической независимости для казачьих войск и т. д. Статья Р. А. Фадеева «Разбор брошюры» является детальным обзором положительных и отрицательных свойств регулярной конницы в сравнении с казачьими войсками в свете происходивших военных реформ (см. приложение к этой главе) на примере статьи Пистелькорса; но и сам Пистелькорс, горячий сторонник казачьих войск, предлагавший расформировать регулярную конницу и заменить её казачьей, ратовал за введение субсидий казакам как неспособным обеспечить себя самостоятельно (стр. 234) и за вооружение их пулемётами («повторительными или магазинными ружьями»), в то время как сам Фадеев придерживался того мнения, что артиллерия куда важнее конницы.

Сначала проект НВП был подготовлен в Оренбургском военном округе, к которому относилось УКВ. В 1872 году этот проект был представлен на рассмотрение в Петербург, где он был забракован как недостаточно радикальный. В том же году была создана комиссия для корректировки нового военного положения для Уральского казачьего войска, которая работала под непосредственным руководством Главного управления иррегулярных войск, занимавшегося казачьими войсками. Военное министерство, наказной атаман УКВ, оренбургский генерал-губернатор и уральская войсковая канцелярия более года совещались по этому вопросу.

После двух лет переписываний и обсуждения проект нового положения был готов, подписан царём 9 марта 1874 года и напечатан в «УВВ»

в мае 1874 года. Положение было длинное, поэтому печатали его в нескольких номерах газеты. Таким образом, можно сказать, что правительство поставило казачьи массы перед уже свершившимся фактом. Казакам оставалось только послушно подчиниться новому закону.

Нет никаких свидетельств того, что на тот момент у казаков были антиправительственные настроения или что они планировали саботировать решения правительства. УКВ было первым войском, в котором вводилось новое военное положение. После УКВ было новое военное положение в Донском казачьем войске, его начали вводить в конце 1874 — начале 1875 годов. Вполне возможно, что, помня о всех предыдущих законах, когда-либо вводившихся в войске, в УКВ с самого начала настороженно отнеслись к будущему закону. Имея многосотлетнюю историю самоуправления, казаки были группой людей, самостоятельно мыслящих, а также привыкших заинтересованно и ответственно относиться к общественным и личным интересам, поэтому неудивительно, что НВП они и прочитали, и обсудили. И, надо полагать, не раз. Скорее всего (и даже наверняка!), не каждый казак задумывался над этим документом, но нет сомнений, что многие казаки прочитали его с интересом. И рассматривали они этот закон не только с государственных позиций, но и с точки зрения рядового казака, который несёт всё бремя налогов и службы.

Комиссия же подошла к делу исключительно с точки зрения функциональности казачьего войска, которая, по мнению военного командования, нуждалась в улучшении. И действительно, система наёмки, существовавшая в УКВ и ставшая краеугольным камнем реформы, не соответствовала многим государственным задачам.

Наёмка сформировалась за несколько столетий существования УКВ и была одним из его основополагающих административных и финансовых аспектов. Кстати, уральские казаки не сами выдумали этот принцип. Ещё в Московской Руси призывали на военную службу «охочих и вольных людей» подобным способом, но в УКВ это было развито в комплексную систему финансово-служебных отношений, а если ещё проще — в систему набора добровольцев на военную службу. Эта система хорошо описана в книге «Столетие Военного министерства. 1802–1902. Воинская повинность казачьих войск» под редакцией А. И. Никольского. В диссертации С. В. Колычева тоже дано хорошее, но более компактное описание этого явления.

Когда УКВ получало разнарядку от государства на поставку полков для военной службы, в действие вступал демократический механизм. Круг решал, сколько будут получать служащие в полку казаки. Если полк набирался на внутреннюю службу, цена была одна. Когда полк набирали на войну, цена была намного выше. Потом цену подмоги делили на душу взрослого мужского населения и каждый казак платил налог в войсковую казну, из которого и должна была платиться подмога. Потом объявлялся набор и добровольцы записывались на службу и получали подмогу из войсковой казны. Эта система набора военнотружущих вполне устраивала УКВ, но не устраивала государство. Чем же наёмка не угодила правительству?

А вот чем...

Во-первых, она не соответствовала современной идее всеобщей мобилизации. Дело в том, что на протяжении уже долгого времени в казачьих войсках существовало как бы две социальные группы, одна из которых и вызывалась служить...

Наёмка как стройная и комплексная система служебно-экономических отношений в войске сформировалась как минимум за 200 лет до событий 1870-х. В начале XVIII века она была уже хорошо развита. Наверняка для наёмки были объективные причины, экономические и военные. Сборник «Столетие Военного министерства» придерживается теории Ю. Костенко, который считал, что с течением времени угроза набегов со стороны киргизов уменьшилась настолько, что защиту границ можно было обеспечить уже меньшим количеством казаков и не было нужды всем казакам всегда быть готовыми к службе.

Аналогичный процесс происходил и на других границах; в казачьих войсках с веками начали формироваться группы постоянно служащих и не служащих казаков, что нарушало общинный принцип всеобщей службы, с которого начиналось казачество. Казак, который уходил на военную службу, не мог заниматься хозяйством и пользоваться войсковыми угодьями. Чтобы возместить убытки служащему казаку, войско выплачивало ему компенсацию на время службы. Так сформировалась наёмка.

Сначала все казаки по очереди уходили служить, а значит все казаки по очереди получали подмогу от войска. С течением времени этот процесс расслоения лишь усиливался и начали формироваться группы казаков, никогда не ходивших служить. Например, в войске Донском, в котором служба была в теории обязательной для всех,

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66